

УДК 159.923.2

DOI: 10.25730/VSU.7606.19.061

Самовыражение или эпатаж? Какая мотивация стоит за телесными модификациями, с точки зрения женщин с наличием и отсутствием татуировок

П. В. Цыганкова¹, Л. Р. Цамерян²

¹кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии психолого-социального факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова. Россия, г. Москва. E-mail: polina_tsy@mail.ru

²медицинский психолог, кризисно-психиатрическое отделение, городская клиническая больница № 20 имени А. К. Ерамишанцева. Россия, г. Москва. E-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию различий в приписывании мотивации к телесным модификациям женщинами, практикующими и не практикующими искусственные модификации собственного тела (татуирование, пирсинг). Обсуждается изменение роли телесных модификаций в конструировании и означении самоидентичности личности в контексте современной социокультурной ситуации постмодерна. Ставится проблема несовпадения семиотики телесных модификаций в рамках различных дискурсов телесности. В эмпирическом исследовании с использованием авторской методики «Внешность как высказывание», опросника «Многомерная шкала перфекционизма» Хьюитта-Флетта и методики «Ценностные ориентации» О. И. Моткова и Т. А. Огневой приняли участие 25 женщин, практикующих телесные модификации, в возрасте от 19 до 29 лет (средний возраст $24 \pm 4,2$ года); и 25 женщин, не имеющих телесных модификаций, в возрасте от 20 до 30 лет (средний возраст $25 \pm 4,5$ года). Выявлены межгрупповые различия в мотивации, приписываемой женщинам, практикующим телесные модификации. Женщины, имеющие телесные модификации, значимо чаще упоминают мотив самовыражения, тогда как женщины, не имеющие телесных модификаций, значимо чаще упоминают мотив привлечения внимания, эпатажа. Участницы обеих групп одинаково часто упоминают мотивы протеста против социокультурных нормативов телесности, утверждения права распоряжаться своим телом и стремления к уникальности. Выявленные различия обсуждаются в контексте таких особенностей самосознания участниц исследования, как значимо более низкий уровень ориентированности на других и социально предписанного перфекционизма у женщин с телесными модификациями при наличии конфликтности в сфере внутренних и внешних ценностей, а также сниженного уровня когнитивной эмпатии по отношению к женщинам, обладающим конвенционально-феминным типом внешности.

Ключевые слова: телесные модификации, татуирование, женская телесность, семиотика внешности, дискурсивное конструирование телесности.

Современный взрыв популярности телесных модификаций, в частности татуирования, приходится на конец 60-х – начало 70-х гг. XX в. [15, с. 92] и продолжает скачкообразно нарастать. В настоящее время можно наблюдать нормализацию телесных модификаций в обыденном сознании, а также увеличение распространенности экстремальных модификаций тела и все более частый выбор отрывных участков тела (кистей рук, шеи, лица) для локализации татуировок, особенно в молодежной среде. Скорость происходящих изменений затрудняет своевременное их научное осмысление и его практическое приложение для решения психодиагностических и психотерапевтических задач. Данные изменения, однако, могут быть проявлением значимых трансформаций в самосознании и самоидентичности современного человека, его отношении к своему телу и со своим телом, что ставит перед психологами задачу пересмотра границ нормы и патологии в отношении практик добровольных телесных модификаций и обуславливает высокую актуальность исследования данной темы.

В соответствии с базовыми потребностями человека в единении и в автономии принято выделять два компонента идентичности – *социальную*, связанную с осознанием человеком своей принадлежности к группе, и *личную*, связанную с осознанием собственной уникальности [3, с. 46]. Телесные модификации могут служить реализации обеих описанных тенденций. Распределив мотивы татуирования по двум категориям, Е. С. Воробьева относит к конструированию социальной идентичности мотивы подражания, поиска круга общения, фиксации принадлежности к группе, фиксации привязанности; к конструированию личной идентично-

сти – мотивы протеста, защиты, ценности боли, эстетический мотив, мотив самовыражения [3, с. 44–45]. В процессе развития комплексной в большинстве случаев мотивации к татуированию личная идентичность начинает все больше превалировать над социальной. В качестве основных мотивов нанесения татуировок респонденты, участвующие в современных исследованиях, называют стремление к самовыражению, проявление своей индивидуальности и уникальности [6; 16; 17].

Соответствующая мотивация является специфичной для современности. В традиционном обществе идентичность была predetermined и телесные модификации служили задачам ее объективации. Татуирование нередко носило принудительный характер (клеймение рабов, преступников и т. д.) или было частью ритуалов перехода [15, с. 93]. В современном же западном мире мы наблюдаем всплеск моды на добровольное татуирование в рамках повышения ценности человеческой индивидуальности, самовыражения, важности создания собственного имиджа [10, с. 64]. Тело не воспринимается больше как «данное свыше» и созданное «по образу и подобию бога», но является продуктом самостоятельного творческого конструирования в соответствии с личностными смысложизненными проектами [11, с. 146]. Телесные модификации как средство невербального общения становятся средством самопрезентации, демонстрации своего мировоззрения [5, с. 42]. Однако возникает вопрос, почему все больше людей обращается именно к телесным модификациям как средству самоконструирования и самовыражения.

Культурологические работы, ищущие ответ на данный вопрос, рассматривают добровольные телесные модификации как средство противостояния «обществу тотального контроля», осуществляющему непрерывное «несанкционированное вторжение» в личное пространство человека [11, с. 147]. Власть социального стремится подчинить личность во всех ее проявлениях своему контролю, в том числе институты красоты императивно навязывают телесные эталоны [3, с. 47]. Переживание данной ситуации запускает у индивида процесс формирования осознанной потребности в автономии, рефлексивного и контролируемого конструирования собственной телесности, не попадающей ни под один из системно санкционированных образцов. Если первые татуировки подростка могут быть бунтом против родительских ограничений, то впоследствии телесные модификации связываются с возражением против навязываемых рекламной индустрией стандартов телесной красоты, феминности/маскулинности. Человек «хочет быть самим собой», а не объектом манипуляции индустрии моды [3, с. 45]. Дж. Фишер, анализируя специфику общества позднего капитализма, приходит к выводу, что татуирование представляет собой способ переприсвоить свое отчужденное физическое тело, отнятое обществом, нагрузившим его своими смыслами, способ сопротивления культурным силам, которые превратили тело в товар [15, с. 95].

А. Ю. Чукуров считает проблему границ ключевой проблемой информационного общества и рассматривает телесные модификации как способ и механизм самозащиты и самоидентификации в ситуации колоссального внешнего давления и перманентного нарушения границ социального и физического тела. Человек стремится укрепить, модифицировать стены своей телесности подобно тому, как укреплялись стены средневековых замков и крепостей, для обретения чувства уверенности и безопасности. Именно границы, по мнению А. Ю. Чукурова, порождают индивидуальность, основанную на нашем умении отличать себя от других [11, с. 148]. Данный тезис согласуется с концепцией сепарации-индивидуации известного теоретика объектных отношений М. Малера. Стадия сепарации-индивидуации охватывает в онтогенезе возраст от 4-5 месяцев до 3 лет. Задача сепарации состоит в формировании внутриспсихической репрезентации себя, отдельной от репрезентации других, в то время как задача индивидуации подразумевает построение собственной уникальной идентичности, отличающейся от всех других людей. Неблагополучное прохождение данной стадии развития, фиксация на ней приводит к формированию пограничной личностной организации, с середины прошлого века ставшей визитной карточкой «пациента нашего времени». С этой точки зрения можно рассмотреть телесные модификации как попытку компенсировать дефицит сепарации – индивидуации через обозначение и утверждение своих телесных границ и придание им уникальности [7, с. 88–106].

С точки зрения задачи конструирования социальной идентичности, в современной культуре телесные модификации могут служить знаком принадлежности к различным группам – модным, конформным, девиантным [15, с. 97–99]. В связи с этим встает вопрос, как вос-

принимают модифицированные тела и их носителей люди, которые не являются потенциальными адресатами посланий тела.

В частности, в рамках медицинского дискурса татуировки рассматриваются в качестве дополнительного диагностического признака при оценке личности и состояния больного, способствующего правильности постановки диагноза и существенно дополняющего клиническую картину заболевания. А. Д. Борохов на материале анализа 2517 татуировок пациентов психиатрических клиник разработал многоосевую классификацию татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя, включающую в себя оценку изобразительных характеристик татуировок, их связи с групповой принадлежностью, а также смысловой нагрузки. Автор описывает специфику татуировок при шизофрении, шизотипических и бредовых расстройствах, расстройствах личности, злоупотреблении психоактивными веществами, сексуальных девиациях и т. д. Исследователю удалось выявить связь между наличием у больных с антисоциальным расстройством личности агрессивного-угрожающего и демонстративно-протестных татуировок и совершенными ими актами физической агрессии, а также прямую зависимость между уровнем эмоциональности при истерическом расстройстве личности и наличием татуировок памятно-сентиментального характера, и мн. др. [1, с. 27–32]. Американский исследователь J. Adams установил, что, несмотря на устаревание ряда связанных с татуировками предрассудков, сохраняется сильная связь между наличием татуировок и склонностью к девиантному поведению, особенно криминальному [12]. В наибольшей степени это касается татуировок на постоянно открытых частях тела. Установлена связь между татуированием лица и склонностью к вербальной агрессии, гневу и реакционному бунтарству [19, с. 409]. Показано, что люди с модификациями тела сообщают о большем количестве симптомов депрессии и тревожности, чем люди без модификаций тела [18, с. 18–19]. Н. А. Польская полагает, что с психологических позиций модификации тела следует рассматривать как социально санкционированный вариант самоповреждающего поведения, выступающий средством контроля высокой концентрации враждебных эмоций и своеобразными физическими маркерами субъективных границ контроля над эмоциями. Таким образом, можно заключить, что модифицированное тело пациента, диссимилирующего свою патологию, нередко «предательски выдает» его при контакте со специалистами в области психического здоровья [9, с. 85].

Мнение, отличающееся от вышеозначенного, представлено, в частности, в работе М. Аткинсона, полагающего, что татуирование следует понимать как просоциальный акт коммуникации, а не как патологическую форму самоповреждения. Адресат данного «акта коммуникации» остается, однако, в большинстве работ неопределенным [13]. Любопытна установленная в ряде зарубежных исследований закономерность, что по сравнению с людьми без татуировок, татуированные люди более склонны к «сексуальным отношениям без обязательств» [19], в связи с чем обсуждается потенциальная сигнальная функция татуировок и пирсинга в контексте поиска сексуальных партнеров [20, с. 934].

Существуют исследования, посвященные особенностям отношения к телесным модификациям и их носителям людей без телесных модификаций [14]. Показано, что уровень стигматизации в современном западном мире низкий [17]. Однако степень стигматизации не отражает содержательных нюансов восприятия телесных модификаций людьми с различными типами телесности. На основании проделанного анализа можно прийти к выводу, что эмпирические данные о различиях в восприятии телесных модификаций являются разрозненными и часто косвенными, что обуславливает научную значимость исследования данной проблемы.

Особо следует отметить гендерный аспект проблемы телесных модификаций. Если исторически татуирование всегда было мужской прерогативой, то в современном мире наблюдается обратная тенденция: около 60% клиентов тату-салонов – женщины [15, с. 99–100].

Представленные ниже данные являются частью эмпирического исследования особенностей «чтения» внешности как текста женщинами с различными типами телесности. Целью фрагмента анализа, представленного в данной статье, является сравнение мотивации, приписываемой женщинам с телесными модификациями, женщинами с различным типом телесности. Выдвинута гипотеза о наличии различий в восприятии мотивации к телесным модификациям в зависимости от собственного типа телесности.

Методы

Описание выборки. В исследовании приняли участие 50 женщин, составивших 2 группы.

В экспериментальную группу вошли женщины (n = 25), имеющие модификацию не менее 20% поверхности кожи (процент модифицированной поверхности определялся с помо-

щью метода Уоллеса, в котором площадь отдельных областей тела равна или кратна 9) в возрасте от 19 до 29 лет, средний возраст $24 \pm 4,2$ года. Выборка набрана на базе тату-студии «BlackRoom».

В контрольную группу были включены женщины ($n = 25$), в чьем опыте отсутствовали любые радикальные способы изменения внешности. Возраст участниц варьировался от 20 до 30 лет, средний возраст $25 \pm 4,5$ года.

В исследование не включались участницы с наличием диагностированных психических расстройств, а также психологического образования. Группы были уравнены по социальному статусу и семейному положению.

Методики:

1. Авторская методика «Внешность как высказывание». В качестве стимульного материала методики использовалось 14 фотографий женщин, репрезентирующих 7 типов внешности, каждый в вариантах крайней и умеренной степени выраженности: «культуристская фигура (бодибилдинг)» и «спортивная фигура», «анорексичная худоба» и «модельная худоба», «избыточный вес» и «здоровая полнота», «значительные телесные модификации» и «умеренные телесные модификации», «значительное пластическое хирургическое вмешательство» и «умеренное пластическое хирургическое вмешательство», «гиноидная фигура без избыточного веса» и «андроидная фигура без избыточного веса», «естественная внешность (лицо) без макияжа» и «естественная внешность (лицо) с макияжем».

Испытуемые получали инструкцию сформулировать в виде словесного высказывания от первого лица то послание, которое делает героиня окружающим с помощью своей внешности.

Результаты методики были подвергнуты качественному и количественному анализу. Была разработана шкала для оценки уровня когнитивной эмпатии испытуемых в отношении женщин с различным типом внешности, где каждому ответу присваивался определенный балл в соответствии со следующими критериями:

0 баллов – обесценивание и высмеивание героини; негативная оценка внешности или личности героини со стороны испытуемой с опорой на свои представления относительно «правильной телесности»:

Я бы могла взяться за себя и похудеть, но я слишком ленивая и слабая для этого.

Я исчадь ада.

У меня нет чувства меры.

1 балл – приписывание героине высокой самооценки внешности, определенного эмоционального состояния или личностных качеств:

Я красивая.

Я счастлива, и мне хорошо!

Я уверена в себе и своих силах.

2 балла – приписывание героине чувства превосходства своей внешности по сравнению с окружающими; трансляции с помощью собственной внешности определенных стандартов; приписывание персонажу переживания гармонии с миром и своим телом.

В здоровом теле – здоровый дух. Нужно совершенствоваться до тех пор, пока ты не помотришь в зеркало и не будешь уверена в себе на 99,9.

Будьте всегда красивой, ухаживайте за собой, делайте инъекции, уходовые процедуры, чтобы дольше быть молодой и красивой.

Я принимаю себя такой, какая я есть. Мне комфортно в моем теле, я умею получать удовольствие от жизни.

3 балла – приписывание персонажам целенаправленного изменения своего тела в соответствии со своими представлениями о красоте; внешность как выражение независимости от общественных стереотипов красоты; внешность как выражение самоидентичности; принятие своего тела, несмотря на его несовершенство.

Меня не устраивала собственная внешность, и я сделала себя такой, как мне нравится.

Мне нравится свой внешний вид, и мне все равно, что вы об этом думаете.

Да, я не эталон красоты. Но мне комфортно с собой! Чего и вам желаю!

4 балла – описание психологических трудностей и внутренних конфликтов персонажей, находящихся воплощение в их телесности; расценивание внешности как способа самоактуализации в диалоге с навязываемыми социумом императивами красоты.

Я не знала, кто я в этом мире, поэтому решила обрести себя через изменение внешности. Теперь я похожа на сказочного персонажа из вымышленного мира. И он лучше реального для меня.

Всегда была полной, сидела на диетах, а потом срывалась. И так было по кругу. Решила забить на это и не считать калории, а просто жить.

Я хотела доказать себе, что я сильная, и начала менять свое тело. И мне нравится мое тело, хоть оно и не вписывается в стандарты.

Присвоение баллов ответам испытуемых осуществлялось независимо друг от друга авторами исследования и внешним экспертом. При оценке ответы испытуемых были перемешаны и представлены в случайном порядке без указания групп. Была подсчитана среднестатистическая оценка каждого ответа по результатам трех независимых экспертиз.

2. Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта (в адаптации И. И. Грачевой, 2006) [4].

3. Методика «Ценностные ориентации» О. И. Моткова и Т. А. Огневой, 2008 [8].

С целью выявить статистически значимые различия по исследуемым признакам между сравниваемыми группами были использованы критерий Манна-Уитни, хи-квадрат Пирсона и критерий Уилкоксона.

Результаты исследования. В результате статистического анализа результатов опросниковых методов с использованием критерия Манна-Уитни выявлен ряд значимых межгрупповых различий (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение среднегрупповых результатов опросниковых методик
в контрольной и экспериментальной группе**

Шкалы опросников	Среднее значение в ЭГ	Среднее значение в КГ	Уровень статистической значимости различий
«Многомерная шкала перфекционизма»			
Интегральный перфекционизм	178,45	192,70	p = 0,017*
Перфекционизм, ориентированный на себя	73,75	71,50	p = 0,698
Перфекционизм, ориентированный на других	57,10	63,95	p = 0,035*
Социально предписанный перфекционизм	47,60	57,25	p = 0,004*
«Ценностные ориентации»			
Значимость внешних ценностей	3,72	3,56	p = 0,35
Значимость внутренних ценностей	4,30	4,42	p = 0,53
Осуществление внешних ценностей	2,99	3,15	p = 0,46
Осуществление внутренних ценностей	3,47	3,99	p = 0,005**
Конфликтность внешних ценностей	0,73	0,43	p = 0,024*
Конфликтность внутренних ценностей	0,86	0,47	p = 0,007**

Примечания. ЭГ – экспериментальная группа; КГ – контрольная группа. Уровни значимости: * p < 0,05, ** p < 0,01.

Выявлены статистически значимые межгрупповые различия в выраженности перфекционизма. Для женщин с телесными модификациями характерен значимо более низкий интегральный показатель перфекционизма (p = 0,017) за счет таких его компонентов, как ориентированный на других перфекционизм (p = 0,035) и социально предписанный перфекционизм (p = 0,004), тогда как направленный на себя перфекционизм в двух группах не различается.

Установлено, что для женщин обеих групп внутренние ценности (творчество, саморазвитие личности, уважение и помощь людям и т. д.) преобладают над внешними (физическая привлекательность, хорошее материальное благополучие, высокий социальный статус и т. д.). Межгрупповых различий в значимости ценностей не обнаружено. При этом, однако, в группе модифицированных женщин наблюдается значимо более выраженная степень конфликтности как в отношении внешних (p = 0,024), так и в отношении внутренних (p = 0,007) ценностей, т. е. субъективная значимость ценностей не соответствует субъективной оценке степени их осуществленности.

В результате статистического анализа данных методики «Внешность как высказывание» обнаружен ряд значимых межгрупповых различий в среднем уровне когнитивной эмпатии по отношению к обладательницам разных типов внешности. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

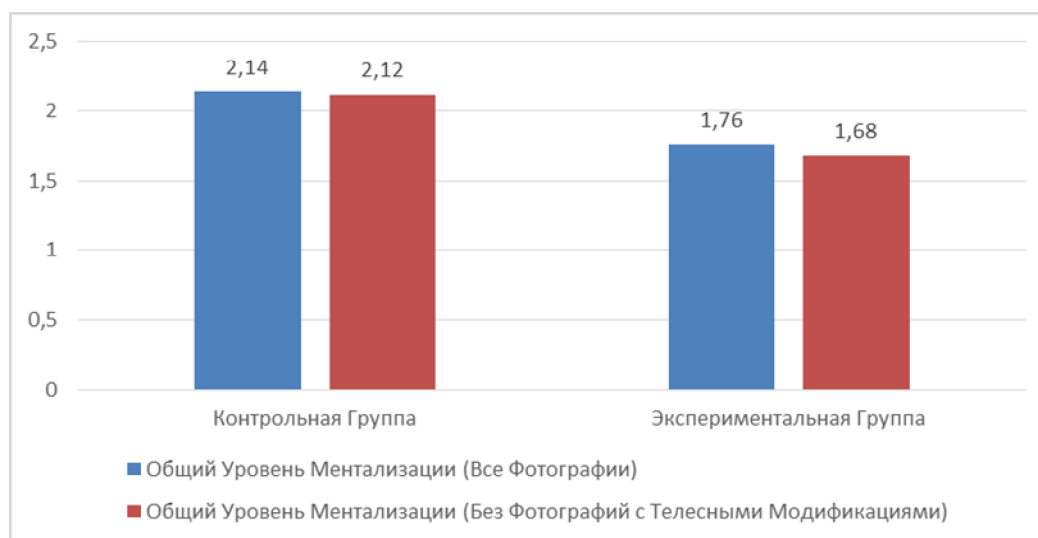
Сравнение когнитивной эмпатии при восприятии внешности различного типа в контрольной и экспериментальной группе

Тип внешности, представленный в стимульном материале	Средний уровень когнитивной эмпатии		Уровень статистической значимости различий
	ЭГ	КГ	
Умеренно выраженная худоба	1,63	2,16	p = 0,018*
Женственная фигура среднего телосложения	1,45	2,05	p = 0,004**
Умеренно выраженный лишний вес	1,73	2,40	p = 0,007**
Все типы внешности: средний уровень когнитивной эмпатии	1,76	2,14	p = 0,001*

Примечания. ЭГ – экспериментальная группа; КГ – контрольная группа. Уровни значимости: * p < 0,05, ** p < 0,01.

Согласно полученным результатам, для женщин без телесных модификаций характерен более высокий общий уровень когнитивной эмпатии по отношению к женщинам, обладающим разным типами внешности, по сравнению с женщинами экспериментальной группы (p = 0,001). Женщины с телесными модификациями демонстрируют значимо более низкий уровень когнитивной эмпатии по отношению к женщинам с модельной худобой (p = 0,018), женщинам с гиноидным типом фигуры (p = 0,004) и женщинам со здоровой полнотой (p = 0,007).

Если произвести ранжирование типов внешности по уровню когнитивной эмпатии в каждой из групп, можно отметить следующее. В экспериментальной группе фотографии, на которых представлены экстремальная и умеренная степень телесных модификаций, получают первый и второй ранг соответственно, тогда как в контрольной группе они имеют шестой и второй ранг соответственно. В связи с этим представляется интересной оценка среднего уровня когнитивной эмпатии без учета фотографий женщин с телесными модификациями. Наглядно среднегрупповые показатели когнитивной эмпатии с учетом и без учета эмпатии к женщинам с телесными модификациями представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Сравнение среднегрупповых показателей когнитивной эмпатии с учетом и без учета эмпатии к женщинам с телесными модификациями

Различия между двумя показателями когнитивной эмпатии в обеих группах подвергнуты сравнению с помощью критерия Уилкоксона. Было установлено, что средний уровень когнитивной эмпатии у женщин без телесных модификаций не различается с учетом и без учета степени эмпатии по отношению к женщинам с телесными модификациями. Напротив, средний уровень когнитивной эмпатии у женщин с телесными модификациями значимо (p = 0,001) понижается, если исключить из оценки фотографии женщин с типом внешности, который соответствует их собственному.

Осуществлен контент-анализ ответов участниц исследования в методике «Внешность как высказывание» в отношении фотографий женщин с телесными модификациями экстре-

мальной и умеренной степени выраженности. Выделено 6 категорий мотивов, прямо или косвенно приписываемых респондентками женщинам с телесными модификациями. В таблице 3 представлены частоты упоминания мотивов каждой категории в двух группах.

Таблица 3

Частота упоминания мотивов, приписываемых женщинам с телесными модификациями, испытуемыми контрольной и экспериментальной групп

Приписываемый мотив телесных модификаций	Частота упоминаний в ЭГ	Частота упоминаний в КГ
Утверждение права распоряжаться собственным телом, протест против социокультурных императивов нормативной телесности	11	15
Самовыражение	14	7
Стремление отличаться, быть уникальной	10	9
Привлечение внимания, эпатаж	2	9
Аддикция	3	2
Попытка решения психологических проблем	0	2

Женщины, имеющие телесные модификации чаще всего приписывают персонажам мотивы: 1) самовыражения; 2) утверждения права распоряжаться собственным телом; 3) стремления быть уникальной.

Женщины, не имеющие телесных модификаций, наиболее часто приписывают персонажам мотивы: 1) утверждения права распоряжаться собственным телом; 2-3) стремление быть уникальной и стремление привлекать к себе внимание, эпатировать.

Сравнение частот с использованием критерия хи-квадрат показало наличие статистически значимых различий в упоминании определенных мотивов в двух группах. Участницы экспериментальной группы на уровне сильной тенденции чаще упоминают мотив самовыражения ($p = 0,052$), тогда как участницы контрольной группы значимо чаще упоминают мотивы привлечения внимания и эпатажа ($p = 0,033$).

Обсуждение результатов. В исследовании была предпринята попытка выявить специфику восприятия мотивации к телесным модификациям у женщин, практикующих и не практикующих модификации собственного тела. Результаты эмпирического исследования подтвердили предположение о наличии межгрупповых различий.

При восприятии фотографий женщин с экстремальной и умеренной степенью телесных модификаций в рамках авторской методики «Внешность как высказывание», женщины, практикующие модификации собственного тела, приписывают героиням **мотив самовыражения** чаще других мотивов, а также значимо чаще, чем это делают женщины, не имеющие телесных модификаций. Приведем примеры ответов участниц экспериментальной группы: «Мое тело – отражение моей творческой и глубокой натуры»; «Моя внешность – отражение того, что у меня внутри»; «Мои татуировки и пирсинг позволяют мне полнее быть собой». Полученные данные соответствуют результатам ранее выполненных исследований, в которых было продемонстрировано, что в качестве наиболее частого мотива к модификации своих тел респонденты называют мотив самовыражения [6; 16; 17]. Однако данный результат получен лишь в группе женщин, практикующих модификации собственного тела. В группе женщин без телесных модификаций мотив самовыражения оказался лишь четвертым по частоте упоминаний.

Женщины без телесных модификаций при восприятии тех же фотографий наиболее часто приписывали персонажам **мотив утверждения права распоряжаться собственным телом**, протеста против социокультурных императивов нормативной телесности. В экспериментальной группе данный мотив является вторым по частоте упоминаний. Приведем примеры ответов участниц: «Я выгляжу так, как я хочу выглядеть. Я буду делать со своим телом все, что мне только захочется. Это мое дело. Мне все равно, что вы об этом думаете»; «Жить и искать счастье в каждом дне, быть собой – вот то, что важно. А не ваши стереотипы»; «Я живу вне рамок и стереотипов, делаю то, что считаю правильным и необходимым для себя. И моя внешность – доказательство тому». Такое понимание телесных модификаций соответствует не столько самоотчетам их обладателей, сколько осмыслению данного феномена культурологами, рассматривающими добровольные телесные модификации как способ “переприсвоить” собственное тело в рамках противостояния “обществу тотального контроля” [3; 6; 11; 15].

Третьим по суммарной частоте упоминаний в обеих группах оказался **мотив отличаться от остальных людей**, быть ни на кого не похожей, уникальной (10 упоминаний в экспериментальной группе и 9 – в контрольной). Примеры ответов данной категории: «Таких, как я, больше нет. Я – индивидуальность!»; «Не хочу быть похожей на других, хочу быть яркой и необычной»; «Хочу выделяться из толпы, быть не как все». Однако можно предположить, что субъективная оценка упомянутого стремления в двух группах может быть различной.

Женщины без модификаций значимо чаще, чем женщины с модификациями, расценивали их наличие как **попытку привлечь к себе внимание и эпатировать окружающих**. Только две участницы из группы с телесными модификациями приписали героиням соответствующий мотив, тогда как в группе женщин, не имеющих телесных модификаций, это сделали 9 участниц, приписав внешности модифицированных героинь такие «высказывания», как: «Я люблю эпатировать публику, привлекать к себе много внимания»; «Люблю шокировать окружающих и быть в центре внимания»; «Посмотрите, какая я яркая!»

Также, в отличие от экспериментальной группы, в контрольной группе встречалось восприятие модификаций как способа разрешения психологических проблем («...у меня куча комплексов, которые я решаю, меняя свою внешность»), а в четырех случаях имели место ответы, демонстрирующие отсутствие эмпатии к персонажам (например: «Аррр... На дырки в ушах можно вешать пакеты!»; «Смотрите, я похожа на раскраску!»; «Сделала тату в подростковом возрасте. Теперь жалею, но изменить ничего нельзя»). Данный результат может быть понят как наличие тенденции к стигматизации женщин с телесными модификациями среди женщин с иным типом телесности, однако данная тенденция является слабо выраженной, что соответствует данным зарубежных исследователей [14; 17].

Обнаруженные различия могут быть осмыслены в контексте особенностей самосознания участниц, выявленных в результате проведенного исследования.

Женщины без телесных модификаций обладают значимо более высоким уровнем перфекционизма. При этом повышение интегрального показателя обусловлено не более высокими требованиями к себе (уровень Я-ориентированного перфекционизма в двух группах не различается), но большей выраженностью таких компонентов, как перфекционизм, направленный на других, и социально предписанный перфекционизм. Большая ориентированность на социальные требования, на ожидания и оценку окружающих может объяснять то, что женщины контрольной группы придерживаются более конвенционального типа телесности и предпочитают не модифицировать свое тело искусственным путем, а также то, что они чаще приписывают женщинам с модификациями протестную мотивацию. Ответы данного типа могут носить отчасти проективный характер и отражать собственное подавляемое стремление к протесту против социального контроля над своим телом, желание освободиться от тирании императивов красоты. Следует заметить, что несколько участниц контрольной группы признались, что рассматривают вариант нанесения на свое тело татуировки в ближайшем будущем. Вместе с тем высокий уровень требовательности к окружающим может приводить к осуждению значительных телесных модификаций, восприятию их как способа эпатажа или решения психологических проблем.

Интересно, что женщины без модификаций довольно редко упоминают мотив самовыражения (наиболее частотный среди женщин с модификациями). Можно предположить, что мотив самовыражения реализуется женщинами контрольной группы другими путями, они не рассматривают искусственные изменения своего тела как средство внешнего выражения внутреннего мира. Косвенно данная интерпретация подтверждается результатами методики «Ценностные ориентации», согласно которым, в отличие от участниц экспериментальной группы, у участниц контрольной группы отсутствует конфликтность в сфере как внешних, так и внутренних ценностей. Напротив, женщины, практикующие телесные модификации, переживают значимые для себя ценности как недостаточно осуществленные, что может подталкивать к поиску дополнительных способов преодоления этого несоответствия, в том числе с помощью искусственного модифицирования своего тела.

Следует отметить, что женщинам без телесных модификаций свойственен значимо более высокий уровень когнитивной эмпатии по отношению к женщинам с различными типами внешности. В том числе, они проявляют достаточно высокую эмпатию по отношению к женщинам с телесными модификациями (межгрупповых различий в уровне когнитивной эмпатии к данному типу внешности выявлено не было). Напротив, женщинам с телесными модификациями оказалось труднее испытать эмпатию к женщинам с другими типами внешности.

Самую высокую эмпатию они проявляют к женщинам со сходным типом внешности (умеренные и экстремальные телесные модификации), при исключении данного типа внешности из подсчетов средний уровень их эмпатии значительно снижается. Типы внешности, которые вызывают у женщин экспериментальной группы значительно более низкую эмпатию, чем у женщин контрольной группы, это: модельная худоба («Я ищу ваши взгляды и комплименты»), женственная фигура среднего телосложения («В целом меня все устраивает. Но все-таки есть над чем поработать»), здоровая полнота («Я аппетитная дама»). Перечисленные типы внешности можно обобщить как в наибольшей степени соответствующие традиционным социокультурным стереотипам нормативной женственности, образам женской сексуальной привлекательности. Данное наблюдение косвенно подтверждает предположение, что телесные модификации могут иметь протестный характер, в частности, быть направленными против традиционных идеалов «феминности», объективации и сексуализации женского тела.

Женщины без телесных модификаций приписывают женщинам с телесными модификациями большую степень социальной ориентированности: желание привлечь внимание, эпатажировать, протест, демонстрация своей уникальности. Сами же женщины с модификациями декларируют свою независимость от общественных требований и ожиданий (значимо более низкий социально предписанный перфекционизм, наиболее частое упоминание мотива самовыражения как побуждающего к модификациям). Как указывает в своей работе Е. С. Воробьева, устойчивым рефреном всех интервью с модифицированными людьми является «Я делаю это только для себя». При этом автор подчеркивает, что важно не то, что это «только для себя» на самом деле невозможно, а то, что «респонденты думают, что это возможно» [3, с. 44].

Другие авторы придерживаются более категоричной позиции. В частности, И. В. Решетникова пишет, что самовыражаться и быть уникальным – это тоже один из «общественных императивов, которого не избежать», и что «благодаря массовости, подчеркивание различий становится подчеркиванием сходств» [10, с. 66]. Нам созвучна данная точка зрения, поскольку в современной молодежной среде возникает парадоксальная ситуация, когда отсутствие телесных модификаций может оказаться более необычным и особенным, чем их наличие. И напротив, наличие и публичная демонстрация телесных модификаций обеспечивает популярность в соцсетях, высокий статус в референтных группах, повышение сексуальной привлекательности, что соответствует отнюдь не протестной, а социально конформной мотивации. «Право быть собой» оборачивается повышением своей востребованности и популярности, проявление внутренней сущности превращается подчас в конструирование внешнего фасада, имиджа.

Также можно предположить, что мотив самовыражения нередко оказывается смешанным с мотивом самоконструирования. Описывая модифицированные тела, авторы приводят метафоры холста художника, личного дневника, который постоянно «перечитывается» автором и обеспечивает удержание вложенного в него смысла на переднем крае сознания. Е. С. Воробьева пишет о том, что знаки, наносимые человеком на свою кожу, обеспечивают ему переживание непрерывного тождества самому себе [3, с. 46–47]. Подобные формулировки отражают возможный компенсаторный характер телесных модификаций, направленных на очерчивание границы своей индивидуальности [11, с. 147–149], преодоление переживания внутренней диффузии, неопределенности, непоследовательности, неинтегрированности. Тело становится «контейнером», «стенки» которого необходимо укрепить.

Заключение. Мотивация к искусственному модифицированию своего тела носит сложный, порой парадоксальный характер, включает в себя как сознательные, так и бессознательные аспекты, реализует как стремление к принадлежности, так и стремление к автономии. В каждом конкретном случае соотношение мотивов является индивидуальным, различается также и «целевая аудитория» тех посланий, которые несет на себе модифицированное тело. В представленном исследовании было показано, что восприятие «посланий» подобного типа может различаться в зависимости от собственного типа телесности наблюдателя. В рамках разных дискурсов телесные модификации наделяются различными смыслами и их обладателям могут приписываться различные интенции и качества.

Благодарности

Авторы выражают благодарность к психол. н. Г. А. Лайшевой за участие в экспертной оценке результатов исследования.

Список литературы

1. Борохов А. Д. Значение татуировок в диагностике психических и поведенческих расстройств // Медицинская сестра. 2011. № 7. С. 24–32.
2. Борохов А. Д. Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя. Ч. I. // Медицинская психология в России. № 1 (48). 2018.
3. Воробьева Е. С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности / Е. С. Воробьева // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 41–47.
4. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 73–80.
5. Дорожкин А. С. Феномен телесных модификаций: определение понятия и основные функции // Искусство и культура. 2017. № 2 (26). С. 41–43.
6. Коновалова А. А. Татуировка как способ самоидентификации: социологический анализ // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии. 2016. С. 555.
7. Малер М., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М. : Когито-Центр, 2018. 413 с.
8. Мотков О. И., Огнева Т. А. Методика «Ценностные ориентации». Вариант 2. М., 2008. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.HTML> (дата обращения: 16.06.2019).
9. Польская Н. А. Эмоционально-личностные корреляты модификаций тела // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2014. Т. 14. Вып. 2. Серия: Философия. Психология. Педагогика.
10. Решетникова И. В. Провокации тела: телесные модификации в обществе потребления // АРКАДИЯ. 2015. № 4 (45).
11. Чукуров А. Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 145–149.
12. Adams J. Marked Difference: Tattooing and Its Association with Deviance in the United States. *Deviant Behavior*. 30. 2009. Pp. 266–292. DOI: 10.1080/01639620802168817.
13. Atkinson M. «Tattooing and civilizing processes: Body modification as self-control». *Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie* 41.2. 2004. Pp. 125–146. DOI: 10.1111/j.1755-618X.2004.tb02173.x.
14. Dickson L., Dukes R., Smith H., Strapko N. Stigma of ink: Tattoo attitudes among college students / *The Social Science Journal*. Vol. 51. Is. 2. June 2014. Pp. 268–276.
15. Fisher J. Tattooing the body, marking culture. *Body and Society*. 8 (4). 2002. Pp. 91–97.
16. Hill B. M., Ogletree S. M., McCrary K. M. Body Modifications in College Students: Considering Gender, Self-esteem, Body Appreciation, and Reasons for Tattoos / *College Student Journal*. Vol. 50. No. 2. Spring 2016. Pp. 246–252.
17. Naudé L., Jordaan J., Bergh L. «My Body is My Journal, and My Tattoos are My Story»: South African Psychology Students' Reflections on Tattoo Practices / *Current Psychology*. February 2019. Vol. 38. Is. 1. Pp. 177–186.
18. Roberti J. W., Storch E. A. Psychosocial Adjustment of College Students with Tattoos and Piercings. *Journal of College Counseling*. 2005. Vol. 8. Is. 1. Pp. 14–19.
19. Swami V. Written on the body? Individual differences between British adults who do and do not obtain a first tattoo. *Scandinavian Journal of Psychology* 53. 2012. Pp. 407–412.
20. Wohlrab S., Stahl J., Rammsayer T., & Kappeler P. Differences in personality characteristics between body-modified and non-modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications. *European Journal of Personality*. No. 21 (7). 2007. Pp. 931–951.

Freedom of expression or provocation? What is the motivation behind body modifications, in terms of women with and without tattoos

P. V. Cygankova¹, L. R. Cameryan²

¹PhD of Psychological Sciences, associate professor, Department of clinical psychology, Faculty of psychology and Social Sciences, Russian National Research Medical University n.a. N. I. Pirogov. Russia, Moscow. E-mail: polina_tsy@mail.ru

²medical psychologist, Department of crisis psychiatry, City clinical hospital No. 20 named after A. K. Eramishancev. Russia, Moscow. E-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of differences in attributing motivation to body modifications by women who practice and do not practice artificial modifications of their own body (tattooing, piercing). The article discusses the changing role of bodily modifications in the construction and meaning of self-identity in the context of the modern postmodern socio-cultural situation. The problem of mismatch of the semiotics of bodily modifications within various discourses of corporeality is posed. In an empirical study using the author's methodology "Appearance as a statement" of the questionnaire "Multidimensional scale of perfectionism" by Hewitt-Flett and the methodology

"Value orientations" by O. I. Motkov and T. A. Ogneva, 25 women who practice body modifications, aged 19 to 29 years (average age 24 ± 4.2 years); and 25 women who do not have body modifications, aged 20 to 30 years (average age 25 ± 4.5 years) took part. Intergroup differences in the motivation attributed to women who practice body modification were revealed. Women who have body modifications are significantly more likely to mention the motive of self-expression, while women who do not have body modifications are significantly more likely to mention the motive of attracting attention, shocking. Participants in both groups equally often mention motives for protesting against sociocultural norms of physicality, asserting the right to dispose of their bodies, and striving for uniqueness. The revealed differences are discussed in the context of such self-awareness features of the study participants as a significantly lower level of other-oriented and socially prescribed perfectionism in women with bodily modifications in the presence of conflict in the sphere of internal and external values, as well as a reduced level of cognitive empathy towards women who have a conventional-feminine type of appearance.

Keywords: body modification, tattooing, women's physicality, semiotics of appearance, the discursive construction of the embodiment.

References

1. Borohov A. D. *Znachenie tatuirovok v diagnostike psichicheskikh i povedencheskikh rasstrojstv* [Meaning of tattoos in the diagnosis of mental and behavioral disorders] // *Meditinskaya sestra* – Nurse. 2011. No. 7. Pp. 24–32.
2. Borohov A. D. *Mnogoosovaya klassifikacija tatuirovok dlya integral'noj ocenki proyavlenij psihopatologii lichnosti nositelya. Ch. I.* [Multi-axis classification of tattoos for integral evaluation of manifestations of psychopathology of the wearer's personality. Part I.] // *Medicinskaya psihologiya v Rossii* – Medical psychology in Russia. No. 1 (48). 2018.
3. Vorob'eva E. S. *Formirovanie motivacii k tatuirovaniyu kak mekhanizm konstruirovaniya identichnosti* [Formation of motivation for tattooing as a mechanism for constructing identity] / E. S. Vorobyova // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* – Theory and practice of social development. 2016. No. 6. Pp. 41–47.
4. Gracheva I. I. *Adaptacija metodiki "Mnogomernaya shkala perfekcionizma"* P. H'yuitta i G. Fletta [Adaptation of the method "Multidimensional scale of perfectionism" by p. Hewitt and G. Flett] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 2006. Vol. 27. No. 6. Pp. 73–80.
5. Dorozhkin A. S. *Fenomen telesnyh modifikacij: opredelenie ponyatiya i osnovnye funkicii* [Phenomenon of bodily modifications: definition of the concept and main functions] // *Iskusstvo i kul'tura* – Art and culture. 2017. No. 2 (26). Pp. 41–43.
6. Konovalova A. A. *Tatuirovka kak sposob samoidentifikacii: sociologicheskij analiz* [Tattoo as a way of self-identification: sociological analysis] // *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktual'nye problemy filosofii, sociologii* – Man in the world. The world in man: actual problems of philosophy and sociology. 2016. P. 555.
7. Mahler M., Pine F., Bergman A. *Psihologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentca: Simbioz i individ-uaciya* [Psychological birth of the human infant: Symbiosis and individuation]. M. Kogito-Center, 2018. 413 p.
8. Motkov O. I., Ogneva T. A. *Metodika "Cennostnye orientacii". Variant 2* [Method "Value orientations". Option 2]. M. 2008. Available at: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.HTML> (date accessed: 16.06.2019).
9. Pol'skaya N. A. *Emocional'no-lichnostnye korrelyaty modifikacij tela* [Emotional and personal correlates of body modifications] // *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser.* – News of Saratov University. New series. 2014. Vol. 14. Vol. 2. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.
10. Reshetnikova I. V. *Provokacii tela: telesnye modifikacii v obshchestve potrebleniya* [Provocations of the body: bodily modifications in the consumer society] // *ARKADIYA*. 2015. No. 4 (45).
11. Chukurov A. Yu. *Konstruirovaniye telesnosti kak mekhanizm samokontrolya* [Construction of corporeality as a mechanism of self-control] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* – Society. Environment. Development. 2015. No. 3. Pp. 145–149.
12. Adams J. *Marked Difference: Tattooing and Its Association with Deviance in the United States*. *Deviant Behavior*. 30. 2009. Pp. 266–292. DOI: 10.1080/01639620802168817.
13. Atkinson M. «Tattooing and civilizing processes: Body modification as self-control». *Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie* 41.2. 2004. Pp. 125–146. DOI: 10.1111/j.1755-618X.2004.tb02173.x.
14. Dickson L., Dukes R., Smith H., Strapko N. *Stigma of ink: Tattoo attitudes among college students* / *The Social Science Journal*. Vol. 51. Is. 2. June 2014. Pp. 268–276.
15. Fisher J. *Tattooing the body, marking culture*. *Body and Society*. 8 (4). 2002. Pp. 91–97.
16. Hill B. M., Ogletree S. M., McCrary K. M. *Body Modifications in College Students: Considering Gender, Self-esteem, Body Appreciation, and Reasons for Tattoos* / *College Student Journal*. Vol. 50. No. 2. Spring 2016. Pp. 246–252.
17. Naudé L., Jordaan J., Bergh L. "My Body is My Journal, and My Tattoos are My Story": South African Psychology Students' Reflections on Tattoo Practices / *Current Psychology*. February 2019. Vol. 38. Is. 1. Pp. 177–186.
18. Roberti J. W., Storch E. A. *Psychosocial Adjustment of College Students with Tattoos and Piercings*. *Journal of College Counseling*. 2005. Vol. 8. Is. 1. Pp. 14–19.
19. Swami V. *Written on the body? Individual differences between British adults who do and do not obtain a first tattoo*. *Scandinavian Journal of Psychology* 53. 2012. Pp. 407–412.
20. Wohlrab S., Stahl J., Rammsayer T., & Kappeler P. *Differences in personality characteristics between body-modified and non-modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications*. *European Journal of Personality*. No. 21 (7). 2007. Pp. 931–951.